

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
Рассказ пегого человека

«Public Domain»

1934

Куприн А. И.

Рассказ пегого человека / А. И. Куприн — «Public Domain», 1934

«Ни имени, ни фамилии, ни происхождения этого диковинного человека я так и не узнал за все наше долгое совместное сидение в петроградском Революционном трибунале, который тогда находился в реквизированном дворце великого князя Николая Николаевича. Не узнал я также и причины, по которой он попал в это злокозненное и жуткое место, хотя говорили мы с ним часто и помногу. Очень невеселая штука – сидеть в огромном, пустом, тихом доме, ежеминутно, днем и ночью, ожидая, что вот-вот придут за тобою и скажут: „Идите, товарищ, вещей можете не брать с собою“...»

© Куприн А. И., 1934

© Public Domain, 1934

Александр Иванович Куприн

Рассказ пегого человека

Ни имени, ни фамилии, ни происхождения этого диковинного человека я так и не узнал за все наше долгое совместное сидение в петроградском Революционном трибунале, который тогда находился в реквизированном дворце великого князя Николая Николаевича. Не узнал я также и причины, по которой он попал в это злокозненное и жуткое место, хотя говорили мы с ним часто и помногу. Очень невеселая штука – сидеть в огромном, пустом, тихом доме, ежеминутно, днем и ночью, ожидая, что вот-вот придут за тобою и скажут: «Идите, товарищ, вещей можете не брать с собою».

Никак не передать словами того дьявольского томления души, которое ни на секунду не оставляет человека, готовящегося к насильственной и наглой смерти, без прощания с друзьями, без церковного напутствия...

Вот тут-то и оценишь невольно близость разговорчивого соседа, милого собрата по несчастью. Говорит он, а твои внутренние глаза явственно видят чужие дома, чужие жилища, чужие лица и движения; внутренние уши слышат давно умолкнувшие звуки слов, пения, музыки, конского ржания, детского смеха, птичьих голосов; внутреннее обоняние чует отдельные запахи цветов, кушаний, воздуха, воды и молодого человеческого тела; и на минуту поспешное воображение застилает мягким ковром дикий ужас, от которого все члены обливаются холодным липким потом.

Мой сосед и собеседник оказался чудесным компаньоном. Он никогда не ныл, не скулил, не жаловался и не покушался плакать мне в сюртук. Говорил он охотно и всегда очень интересно, и по речи его можно было безошибочно заключить, что видел этот человек очень многое на своем веку и исколесил матушку Россию вдоль и поперек. Слушать его рассказы было бы истинным наслаждением, если бы не эта неугасимая проклятая мысль о близости «стенки».

В начале нашего прочного знакомства я никак не мог, беседуя со своим соседельцем, обойтись без имени, отчества и фамилии: так уж эта потребность въелась мне в мозги. Но сосед мой с легкой усмешкой успокаивал меня:

– Что в имени тебе моем? Оно пройдет, как шум скандала. Хотите, зовите меня Иван Иванычем. А фамилию выберите, какая вам по вкусу придется. Вот, хоть бы Пегим зовите. Так меня во Владимирской пересыльной гостинице окрестили. Да ведь оно и модно выходит: Иван Пегий – это звучит как бы Максим Горький, Демьян Бедный, Степан Кургузый... А кроме того, поглядите на мою физиономию личности: вся она веснушчатая и рябая-конопатая. И жизнь вся моя поистине была пегая, пятнистая. А главное, нет ничего обидного в таком прозвище: пегие лошади ни на скачки, ни на бега, ни на кавалерийский ремонт не допускаются, а поговорка гордых арабов говорит: пегая лошадь – брат теленку. Но эта строгость, извините, покоится на предрассудках и на важности. Спросите любого богатого мужика, цыгана, продольного ямщика, хоть и конокрада – все вам скажут: пегая лошадь – самая доброезжая и в работе не знает ни лени, ни усталости. У нее долгий дух в скачке, и дышит она через две продушины в ноздрях, а то и через три, и еще у нее достоинства: во-первых, вынослива до бесконечности и умна, как человек, только норовиста и требует хорошего ухода. Вспомните-ка знаменитого толстовского пегого рысака Холстомера. Ну уж и конь был! Только такой великий художник его мог описать, как Толстой. Невольно со слезами на глазах спрашиваешь: ах, зачем же Толстой позволил выхолостить Холстомера? Ведь если бы такого жеребца да вовремя пустить в завод и покрыть им первоклассную пегую кобылу, то какое бы славное потомство пошло! Прелесть!.. И опять: жалкий конец блестящей Холстомеровой карьеры. Ну зачем же Лев Николаевич дозволил бессердечному хозяину-свистуну и бабнику загнать до упаду пре-

красную, бесценную лошадь и потом опоить ее, превратив гордое Божье создание в рыхлую клячу с отвисшей губою? Тут я спросил пегого человека:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.